

The background of the entire page is a dark, textured blue with black, crack-like patterns that resemble dried mud or ice. These patterns are most prominent in the upper right and lower right areas, creating a sense of movement and tension. The overall effect is moody and dramatic.

СЕРГЕЙ
ЧУПРИН

ОТТЕПЕЛЬ КАК
НЕПОВИНОВЕНИЕ

Сергей Чупринин
Оттепель как неповиновение
Серия «Критика и эссеистика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69826672

*Оттепель как неповиновение: Новое литературное обозрение; Москва;
2023*

ISBN 9785444823245

Аннотация

Продолжая исследования «оттепельной» культуры (март 1953 – август 1968 гг.), начатые в книгах «Оттепель: События» (отмечена премией «Просветитель», 2020) и «Оттепель: Действующие лица», Сергей Чупринин размышляет о ключевых поворотах и тенденциях этого периода. Сколько прожил «идеологический нэп» в послесталинскую эпоху? Можно ли говорить об этом времени как о насильственно оборванном Возрождении, уроки которого становятся всё более и более актуальными? Как из-под глыб постепенно прорастала этика неповиновения казенной догматике и начальственным окрикам? Ответы на эти вопросы автор ищет, опираясь на свидетельства, оставленные непосредственными участниками культурных процессов 1950–1960-х годов. Статьи, вошедшие в книгу, рассказывают об оттепели как о сложном времени надежд и разочарований, в котором, однако, было место нравственности, гуманизму и сопротивлению советской системе.

Сергей Чупринин – доктор филологических наук, профессор
Литературного института, главный редактор журнала «Знамя».

Содержание

Вступление	7
«А мы просо сеяли, сеяли...» – «А мы просо вытопчем, вытопчем...»	12
Альманашники: к истории «Литературной Москвы»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сергей Чупринин

Оттепель как неповиновение

УДК 930.85(091)(47+57)«195/1968»

ББК 63.3(2)632-7

Ч92

Сергей Чупринин

Оттепель как неповиновение / Сергей Чупринин. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – (Серия «Критика и эссеистика»).

Продолжая исследования «оттепельной» культуры (март 1953 – август 1968 гг.), начатые в книгах «Оттепель: События» (отмечена премией «Просветитель», 2020) и «Оттепель: Действующие лица», Сергей Чупринин размышляет о ключевых поворотах и тенденциях этого периода. Сколько прожил «идеологический нэп» в послесталинскую эпоху? Можно ли говорить об этом времени как о насильственно оборванном Возрождении, уроки которого становятся всё более и более актуальными? Как из-под глыб постепенно прорастала этика неповиновения казенной догматике и начальственным окрикам? Ответы на эти вопросы автор ищет, опираясь на свидетельства, оставленные непосредственно-

ми участниками культурных процессов 1950–1960-х годов. Статьи, вошедшие в книгу, рассказывают об оттепели как о сложном времени надежд и разочарований, в котором, однако, было место нравственности, гуманизму и сопротивлению советской системе. Сергей Чупринин – доктор филологических наук, профессор Литературного института, главный редактор журнала «Знамя».

На обложке: © Photo by Akira Hojo on Unsplash.com

ISBN 978-5-4448-2324-5

© С. Чупринин, 2023

© С. Тихонов, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

Вступление

О грядущей смерти Сталина известили заблаговременно.

Сначала, конечно, только начальство – 4 марта 1953 года всем членам и кандидатам в члены ЦК КПСС, членам Центральной Ревизионной комиссии КПСС были разосланы срочные вызовы в Москву для участия во внеочередном пленуме. Повестка пленума объявлена не была.

А на следующий день в «Правде» появились «Правительственное сообщение о болезни Председателя Совета Министров Союза ССР и Секретаря Центрального Комитета КПСС товарища Иосифа Виссарионовича Сталина» и «Бюллетень о состоянии здоровья И. В. Сталина на 2 часа 4 марта 1953 г.».

И еще до появления газеты, – записывает для памяти в дневник историк Сергей Дмитриев, —

ранним утром почувствовалось в радиопередачах смятение, появилась грустная музыка вместо обычных порядковых передач. Встали мы, как обычно, в 7 ч. утра. Последние известия в 7 ч. передавались обычные и закончились традиционной сводкой погоды. Но после известий передавать урок физкультуры по радио не стали. Стали передавать печальную музыку. Бородина, струнный квартет Глазунова, Грига и т. д. Так шло до 8 ч. И снова вместо обзора «Правды» и ее передовицы

опять такая же музыка. Я сказал нашим, что, видимо, последует важное неожиданное сообщение о смерти кого-либо из членов ЦК или другого высокого органа. <...>

В 9 ч. 30 м. утра это зловещее сообщение и было оглашено по радио. Речь шла о серьезной болезни т. И. В. Сталина. <...> Читал сообщение по радио Левитан. Затем оно несколько раз передавалось через небольшие промежутки времени (Отечественная история. 1999. № 5. С. 144).

Люди плакали.

А назавтра, когда та же «Правда» опубликовала «Бюллетень о состоянии здоровья И. В. Сталина на 2 часа 5-го марта 1953 г.», заплакали еще горше.

Не все, однако.

В тюрьмах, лагерях и поселениях этого известия ждали уже давно, почти теряя надежду, что дождутся.

Я уж не помню, после этого ли бюллетеня или после второго, в общем после того, в котором было сказано: «чейнстокское дыхание», – мы кинулись в санчасть, – рассказывает Лев Разгон. – Мы <...> потребовали от нашего главврача Бориса Петровича, чтобы он собрал консилиум и – на основании переданных в бюллетене сведений – сообщил нам, на что мы можем надеяться...

<...> Мы сидели в коридоре больнички и молчали. Меня била дрожь, и я не мог унять этот идиотский, не зависящий от меня стук зубов. Потом дверь, с которой мы не сводили глаз, раскрылась, оттуда вышел Борис

Петрович. Он весь сиял, и нам стало все понятно еще до того, как он сказал: «Ребята! Никакой надежды!!»

И на шею мне бросился Потапов – сдержанный и молчаливый Потапов, кадровый офицер, разведчик, бывший капитан, еще не забывший свои многочисленные ордена... (*Разгон Л. Плен в своем отечестве. М.: Книжный сад, 1994. С. 382*).

...Нет, не выжил! О радость и торжество! Наконец-то рассеется долгая ночь над Россией, – вспоминает Олег Волков. – Только – Боже оборони обнаружить свои чувства: кто знает, как еще обернется? <...>

Ссылные, встречаясь, не смеют высказывать свои надежды, но уже не таят повеселевшего взгляда. Трижды ура! (*Волков О. Погружение во тьму. Из пережитого. М.: Братство святого апостола Иоанна Богослова, 2018. С. 312*).

Но это лагерники и ссыльнопоселенцы, враги народа. А что же соратники отца народа, самый ближний к вождю круг?

Трудно поверить, но они так же нетерпеливо ждали этого дня и, с трудом сдерживая себя, ликовали не меньше лагерников.

Что и понятно. Жену Поскребышева расстреляли еще до войны. У Кагановича брат застрелился перед арестом. У Молотова жена в ссылке, у Буденного – в лагере. Да и у остальных, кого ни копни, либо в родне, либо среди теснейших дру-

зей тоже найдутся жертвы социалистического созидания.

Но это бы еще ладно. Повязанные, все как один, соучастием в массовых репрессиях, «тонкошеие» всегда думали о себе больше, чем о своих семьях. А тут – пятью месяцами раньше на пленуме ЦК после XIX съезда партии Сталин не только разбавил проверенный состав высшего руководства новыми фаворитами, но и подверг Молотова и Микояна сокрушительной критике, и над каждым из «старой гвардии» замаячила тень гильотины.

Вот и вышло, что Сталин еще жив или считается живым, а его наследство второпях поделили и резкая смена государственного курса была уже predetermined.

Пятое марта, вечер. В Свердловском зале должно начаться совместное заседание ЦК, Совета Министров и <Президиума> Верховного Совета, о котором было потом сообщено в газетах и по радио. Я пришел задолго до назначенного времени, минут за сорок, но в зале собралось уже больше половины участников, а спустя десять минут пришли все. <...> И вот несколько сот людей, среди которых почти все были знакомы друг с другом, знали друг друга по работе, знали в лицо, по многим встречам, – несколько сот людей сорок минут, а пришедшие раньше меня еще дольше, сидели совершенно молча, ожидая начала. Сидели рядом, касаясь друг друга плечами, видели друг друга, но никто никому не говорил ни одного слова. Никто ни у кого ничего не спрашивал. <...> Никогда по гроб жизни не

забуду этого молчания (*Симонов К. Глазами человека моего поколения. М.: Правда, 1990. С. 253*).

Вышли те, чьи портреты были всем давно знакомы, и по предложению Берии председателем Совета Министров СССР единогласно утвердили Маленкова, который опять-таки без обсуждения назвал имена членов высшего политического руководства страны.

Оставалось устроить пышные похороны, на траурном митинге напоследок поклясться в вечной преданности почившему вождю и учителю.

И развернуть страну к новой жизни.

**«А мы просо сеяли, сеяли...» – «А
мы просо вытопчем, вытопчем...»
*От «идеологического нэпа» –
к «великому расколу»***

Сталина похоронили 9 марта 1953 года.

И уже на следующий день Маленков потребовал «прекратить политику культа личности» – хотя пока не сталинской, а своей собственной, ибо в «правдинском» отчете о похоронах непропорционально много места было уделено ему, Маленкову, в сравнении с другими членами нового, как тогда говорили, «коллективного руководства».

Опасные два слова «культ личности» тем не менее были выпущены на свободу, превратились в мем, и 19 марта Хрущев употребил их уже применительно к самому Сталину.

Поводом стала передовая статья «Священный долг писателя», написанная Константином Симоновым для «Литературной газеты», где говорилось, что «самая важная, самая высокая задача, со всей настоятельностью поставленная перед советской литературой, заключается в том, чтобы во всем величии и во всей полноте запечатлеть для своих современников и для грядущих поколений образ величайшего гения всех времен и народов – бессмертного Сталина».

Хрущев, – как вспоминает неожиданно для себя проштрафившийся Симонов, – впал в бешенство, «позвонил в редакцию, где меня не было, потом в Союз писателей и заявил, что считает необходимым отстранить меня от руководства „Литературной газетой“, не считает возможным, чтобы я выпускал следующий номер».

Бешенство, впрочем, тут же улеглось, Симонова в должности оставили – по крайней мере до августа, пока он не напечатал стихотворение Иоганнеса Бехера, почему-то признанное «националистическим».

Но слухи поползли еще в марте и – процитирую Асю (Анну Самойловну) Берзер – «одна-единственная фраза: „Нельзя же, чтобы советская литература всегда изображала только Сталина...“» – необыкновенно «подняла наш дух в те дни <...> замаячила надеждой...» (*Липкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана; Берзер А. Прощание. М.: Книга, 1990. С. 208*).

Процесс, словом, пошел. Хотя, по видимости, сталинистская риторика по-прежнему была в ходу и палаческие навыки тоже.

«Крокодил» 20 марта еще успел грохнуть антисемитским фельетоном В. Ардаматского «Пиня из Жмеринки». Фадеев, Сурков и все тот же Симонов еще успели стукнуть в ЦК о необходимости освободить Союз писателей от балласта, понимая под балластом прежде всего «лиц еврейской национальности», чей прием в союз был будто бы «искусствен-

но завышен». А сам Фадеев, в прежней роли неколебимого генсека выступая на первом постпохоронном пленуме ССП, еще успел в ключья разнести не только роман Василия Гроссмана «Народ бессмертен», но и невиннейшую статью Н. Гудзия и В. Жданова «Вопросы текстологии».

Риторика, однако, риторикой, а жизнь жизнью.

В марте 1953-го создано Министерство культуры и объявлена амнистия, по которой освободили миллион двести тысяч человек.

В апреле все цены в СССР снижены в среднем на десять процентов, в страну начал течь импорт по договорам с зарубежными странами, в разряд признанных классиков возвращен убитый, а затем причисленный к агентам империализма Михоэлс, запрещены недозволенные методы следствия, самые зловещие палачи отставлены от дел, выпущены из-под стражи врачи-отравители – те, естественно, что остались в живых.

А первомайский праздник «Литературная газета» вдруг ни с того ни с сего встретила не барабанными виршами, как обычно, а огромной подборкой стихов о любви... И дальше, дальше – уже скрыто обсуждаются вопросы о вступлении советских писателей в Международный ПЕН-клуб и о том, кого из них выдвинуть на Нобелевскую премию...

Была вчера жена Бонди – так и пышет новостями о «новых порядках», – записывает в дневник Корней Чуковский. – «Кремль будет открыт для всей публики»,

«сталинские премии отменяются», «займа не будет», «колхозникам будут даны облегчения» и т. д., и т. д., и т. д. «Союз писателей будет упразднен», «Фадеев смещен», «штат милиции сокращен чуть не впятеро» и т. д., и т. д., и т. д. Все, чего хочется обывателям – они выдают за программу правительства¹.

Вопрос: была ли такая программа у правительства?

Ответ: да, безусловно. Вернее же сказать, было сразу несколько программ, частью конфликтовавших друг с другом, а частью, причем большей частью, консенсусно погашавших, как бы аннигилировавших друг друга.

На стороне зла – станем говорить почти исключительно о литературе – оказались, как это им и положено, идеологи – Пospelов, Суслов... И аппарат, конечно, чиновники рангом поменьше – как непосредственно в Союзе советских писателей, так и в ЦК, где их живым воплощением служил Дмитрий Алексеевич Поликарпов, в должности заведующего Отделом культуры на протяжении почти всей оттепельной эпохи присматривавший за товарищами сочинителями.

Но, известно же, писателями руководить, что котят пасти: если не разбегаются, то вольничают.

Тем более что в первый постпохоронный год писателям почудилось, будто и у них появилась надежда и опора – первый по счету министр культуры СССР Пантелеймон Кондра-

¹ Чуковский К. И. Дневник. 1936–1969 // Чуковский К. И. Собр. соч. М.: ФТМ, 2013. Т. 13. С. 140–141.

тьевич Пономаренко.

Теперь имя этого вождя партизанской войны в Белоруссии, с должности министра заготовок неожиданно для себя переброшенного на театр, кино, музыку и – да, да! – на литературу, позабыто.

А зря. Вот три записи в дневнике Корнея Чуковского, самого авторитетного летописца первых оттепельных лет.

Первая, датированная 1 мая 1953 года: Катаев

с большим уважением отзывается о министре культуры Пономаренко. Я как-то ездил с ним в Белоруссию в одной машине – и он мне сказал: «Какая чудесная вещь у П<у>шк<ина> „Кирджали“». А я не помнил. Беру П<у>шк<ина>, действительно чудо... Он спас в 1937 году от арестов Янку Купалу, Якуба Коласа и других. Очень тонкий, умный человек².

Вторая, уже 5 декабря:

Был с Фединым у Пономаренко. Он больше часу излагал нам свою программу – очень простодушно либеральничая. «Игорь Моисеев пригласил меня принять его новую постановку. Я ему: „Вы меня кровно обидели. – Чем? – Какой же я приемщик?! Вы мастер, художник – ваш труд подлежит свободной критике зрителей – и никакие приемщики здесь не нужны... Я Кедрову и Тарасовой прямо сказал: отныне ваши спектакли освобождены от контроля чиновников. А Шапорин... я Шапорину не передал

² Там же. С. 142.

тех отрицательных отзывов, которые слышал от влиятельных правительственных лиц (Берия был почему-то против этого спектакля), я сказал ему только хорошие отзывы, нужно же ободрить человека... Иначе нельзя... Ведь художник, человек впечатлительный“» и т. д., и т. д., и т. д. Мы поблагодарили его за то, что он принял нас. «Помилуйте, в этом и заключается моя служба» и т. д.³

И шаг назад, третья запись от 20 октября:

Был у Федина. Говорит, что в литературе опять наступила весна. Во-первых, Эренбург напечатал в «Знамени» статью, где хвалит чуть не Андре Жида (впрочем, насчет Жида я, м. б., и вру, но за Кнута Гамсуна ручаюсь. И конечно: Пикассо, Матисс). Во-вторых, Ахматовой будут печатать целый томик – потребовал Сурков (целую книгу ее старых и новых стихов), в-третьих, Боря Пастернак кричал мне из-за забора <...>: «Начинается новая эра, хотят издавать меня!»...⁴

Разумеется, это начальственное либеральничанье тут же погашалось бдительным аппаратом: этого, как только дело доходит до конкретики, нельзя, и этого тоже нельзя. Разумеется, и реформаторы во власти были отнюдь не простодушны. Но писателей, но деятелей культуры чуть помани вольностью, и они тут же распоясываются.

³ Чуковский К. И. Дневник. 1936–1969. С. 157.

⁴ Там же. С. 155.

Художники попробовали проводить «выставки без жюри», то есть без предварительных отборочных комиссий, накладывающих вето на все не соцреалистическое. Музыканты возмечтали о зарубежных гастролях. А писателям пришла в голову идея кооперативных изданий.

Ведь что у нас было к тому времени? Единый Союз советских писателей. Считаное число издательств, выпускающих поэзию и прозу. И всего пять литературных журналов – три в Москве («Новый мир», «Знамя» и «Октябрь»), один в Ленинграде («Звезда») и один в Новосибирске («Сибирские огни»).

Где печататься? Где пробивать свои произведения сквозь непреклонный Главлит и всевидящие инстанции?

Причем и то надо принять во внимание, что вплоть до зимы 1953/54 года никакой сколько-нибудь заметной смысловой и эстетической разницы между журналами не просматривалось. Лед тронулся только в декабре, когда А. Твардовский напечатал в «Новом мире» статью Владимира Померанцева «Об искренности в литературе», а затем – едва не единым залпом – статьи Михаила Лифшица о дневниках Маритты Шагинян, Марка Щеглова о «Русском лесе» Леонида Леонова, «Люди колхозной деревни в жизни и литературе» Федора Абрамова.

Конечно, реакция идеологов и аппарата не заставила себя ждать: Пономаренко уже в феврале 1954 года отправили поднимать целинные и залежные земли, а литературу на-

всегда вывели из подчинения Министерству культуры. Затем в марте Борис Полевой отправил в ЦК КПСС докладную записку «о том, что у ряда писателей, критиков, в том числе и у коммунистов, появилось странное и совершенно превратное мнение о своеобразной перенастройке в нашей политике в области идеологии и о якобы совершающемся в нашей литературе этаком „нэпе“». И что – главное – «внутри страны, в писательских организациях Москвы и Ленинграда, вокруг этих статей <Полевой называет их „совершенно похабными“> начинает группироваться отсталая часть писателей»⁵.

Итог известен: громокипящие писательские собрания и пленумы, что идут чуть ли не каждый день, покаяния слушников и отступников от линии партии, наконец отставка Твардовского в августе 54-го – словом, полная и сокрушительная победа, как их тогда называли, гужеедов, именовавших короткую «эпоху Пономаренко» идеологическим нэпом.

Здесь, впрочем, необходимо отметить два момента принципиальной важности.

Первый – что эта победа гужеедов явилась результатом торга среди идеологов и аппаратчиков, а не следствием противостояния журнальных партий, живой литературной или, если угодно, литературно-политической полемики. Погром-

⁵ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. М.: РОССПЭН, 2001. С. 2006, 2007.

ных статей во всех журналах, конечно, множество, но почти все они – изложение либо докладов, уже прозвучавших на пленумах и собраниях писателей-коммунистов, либо докладных записок, поданных ими в соответствующие инстанции.

Второй момент – на «отсталых» литераторов (в диапазоне от Эренбурга до Паустовского, от Каверина до Казакевича) кричали, топали ногами, но они не унимались. То коллективным письмом «Товарищам по работе» предложат по сути упразднить Союз писателей, ибо

подлинное творческое общение писателей разных поколений» может и должно происходить не в канцеляриях ССП, не в залах заседаний, не на собраниях разобщенных творческих лишь по названию секций, а только в редакциях, в живой практической работе над рукописью⁶.

То – действительно как при нэпе – придумают кооперативное издательство и даже дадут ему название «Современник». «Это издательство, – пересказывает чужие слова Владимир Лакшин, – не должно зависеть от коммерческих сообщений и от начальства – выпускать малыми тиражами, но максимально свободно то, что пишут»⁷. То – и здесь я гово-

⁶ Литературная газета, 26 октября 1954 года. Авторами указаны В. Каверин, Эм. Казакевич, Мих. Луконин, С. Маршак, К. Паустовский, Н. Погодин, Ст. Щипачев.

⁷ Лакшин В. «Новый мир» во времена Хрущева. М.: Книжная палата, 1991. С. 22–23.

рю о единственном состоявшемся проекте – начнут тишком составлять независимый или хотя бы полузависимый альманах.

Такой альманах – ему дали имя «Литературная Москва» – вышел 17 февраля 1956 года как подарок XX съезду партии.

Подарок, прямо скажем, с гнильцой, с червоточинкой. В первом выпуске – стихи А. Ахматовой, заметки Б. Пастернака о переводе Шекспировых трагедий, рассказ В. Гроссмана, глава «Друг детства» из поэмы А. Твардовского «За далью – даль», от которой несентиментальный Чуковский, по его собственному признанию, просто «заревел». Причем, – как 4 мая Э. Казакевич написал К. Федину, – «первый том был пробой наших сил и разведкой в стане праздно болтающих и обагряющих руки. Второй, надеюсь, будет более решительным и определенным»⁸.

И действительно, второй выпуск, появившийся ближе к концу года, выглядел еще более вызывающим – Н. Заболоцкий, стихи М. Цветаевой с предисловием И. Эренбурга, знаменитые «Рычаги» А. Яшина, статьи М. Щеглова «Реализм современной драмы», Л. Чуковской «Рабочий разговор», А. Крона «Заметки писателя»...

Конечно, – как написал Б. Слуцкий, – «все мы ходили под богом, у самого бога под боком», и устроители рискнули далеко не на все.

⁸ Казакевич Э. Слушая время: Дневники. Записные книжки. Письма. М.: Советский писатель, 1990. С. 374.

Спросили Б. Пастернака, и он предложил «Доктора Живаго». Э. Казакевич как главный редактор взялся за голову. «Оказывается, – сказал он К. Федину, – судя по роману, Октябрьская революция – недоразумение, и лучше было ее не делать»⁹. Нашелся, правда, благовидный предлог – в романе около сорока листов, а под альманах выбили всего пятьдесят. Так что ничего, кроме раздражения, этот сюжет у Пастернака не вызвал.

Я, – написал он О. Ивинской, – теперь предпочитаю «казенные» журналы и редакции этим новым «писательским», «кооперативным» начинаниям, так мало они себе позволяют, так ничем не отличаются от официальных. Это давно известная подмена якобы «свободного слова» тем, что требуется, в виде вдвойне противного подлога.

Занятнее оказалась другая история с большой прозой для альманаха. В «Литературную Москву» постучался Владимир Дудинцев – его уже отклоненный «Октябрем» роман «Не хлебом единым» завяз в «Новом мире» – и не печатают, и не возвращают. Не возьмут ли «кооператоры»?

И тут – сошлюсь на воспоминания самого Дудинцева, —
прочитано было за сутки! За сутки было прочитано!
<...>

А потом Казакевич мне и говорит:

– Дорогой Владимир Дмитриевич, не могу печатать.

⁹ Чуковский К. И. Дневник. 1936–1969. С. 217.

Не могу. Невозможно печатать. Слишком опасно. Вещь не пройдет.

Тем не менее о передаче романа возможному конкуренту узнал Симонов и – по словам Дудинцева – закричал: «„Немедленно засылайте в набор! Сейчас же чтобы был заслан в набор!“ И роман был заслан в набор в „Новом мире“. <...> Одним словом, роман там пошел».

К большой, замечу, беде – и для К. Симонова, который лишился поста главного редактора, и для В. Дудинцева, которого на десятилетия лишили возможности печататься где-либо.

Впрочем, и «Литературную Москву» отказ от публикации как «Доктора Живаго», так и «Не хлебом единым» отнюдь не спас. Набор третьего выпуска альманаха был рассыпан, и власть, судя по всему, закаялась хоть что-либо давать господам сочинителям на откуп.

Нет уж, только из наших рук и только под нашим неусыпным присмотром. И это, как я обещал сказать, третий момент, третий урок идеологического нэпа.

Власть поняла, что глушить инициативу совсем не обязательно. Лучше ее перехватывать, и вся середина и в особенности вторая половина 1950-х годов стала эпохой экстенсивного расширения литературного пространства, а говоря по-просту, временем, когда новые журналы стали расти как грибы.

1955 год – «Дружба народов» (главный редактор Виктор

Гольцов), «Нева» (главный редактор Александр Черненко), «Юность» (главный редактор Валентин Катаев), «Иностранная литература» (главный редактор Александр Чаковский).

1956 год – «Наш современник» (главный редактор Виктор Полторацкий), «Молодая гвардия» (главный редактор Александр Макаров), «Дон» (главный редактор Михаил Соколов), «Москва» (главный редактор Николай Атаров).

1957 год – «Подъем» (главный редактор Константин Локотков), «Вопросы литературы» (главный редактор Александр Дементьев), «Русская литература» (главный редактор В. Базанов).

1958 год – «Урал» (главный редактор Олег Коряков), «Уральский следопыт» (главный редактор Вадим Очеретин).

Конечно, какие-то издания появились в 1960-х годах, даже в 1970–1980-х, но карта советского журнального мира сложилась: 60 лет на пути из сталинского скудного единообразия через смуту идеологического нэпа к новому единообразию, правда, уже богатому, а в отдельные времена даже и цветущему.

Что обращает на себя внимание? Строение этой карты по региональному либо же тематическому типу. И, за исключением двух-трех имен, бесцветность фамилий первых, а часто и последующих главных редакторов. Они послушнее или, если угодно, эластичнее. Кто-то из них, может быть, и хорош по своим человеческим качествам, но вокруг них не соберутся «отсталые» писатели, как собрались бы они вокруг редак-

торов-харизматиков. Следовательно, не образуется и литературного направления или, как любили говорить советские идеологи, «групповщины». И с ними, бесцветными и малоавторитетными, проще, если уж потребуется, расставаться, увольнение скандала в обществе не вызовет.

Поэтому еще долго-долго редакции новых изданий будут стремиться не отличаться друг от друга, а друг на друга походить – до полной неразличимости.

Выделиться, – комментирует редактор из Свердловска Валентин Лукьянин, – это значило тогда в чем-то противопоставить себя другим, проявить нескромность, заявить, возможно, необоснованные амбиции, а то и вовсе (страшно сказать!) впасть в субъективизм. Никто бы им и не позволил выделиться, да к тому и не стремились: не так были воспитаны. И вектор амбиций был повернут в другую сторону: хотелось «каплею литься с массой», иными словами – сделать в точном соответствии с ожидаемым¹⁰.

Конечно, «отсталые», как назвал их Полевой, или «фрондирующие», как их стали называть позднее, литераторы пытались этой нивелировке сопротивляться, вынашивать новые планы, и в сборниках документов из архивов ЦК КПСС немало агентурных сообщений и докладных записок, где все тот же недремлющий Поликарпов или председатели КГБ –

¹⁰ Лукьянин В. «Урал»: Журнал и судьбы. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018.

сначала Шелепин, затем Семичастный – докладывают о тайных встречах и тайных намерениях Паустовского, Алигер, Арбузова, Каверина, других тогдашних либералов. Однако либералы и есть либералы, «герои оговорочки», как язвил еще Ленин, поэтому – меланхолично замечает Шелепин 26 февраля уже 1959 года —

из имеющихся материалов видно, что, несмотря на близость между Паустовским, Казакевичем и другими лицами названной группы писателей, спаянностью она не отличается, и даже, наоборот, заметно настороженное отношение этих писателей друг к другу¹¹.

Вот и не сложилось, как не сложилось тогда и у их убежденных противников.

Вроде бы в 1957 году М. Шолохов собирался возглавить журнал «Молодая гвардия», и автор бессмертной «Тли» Иван Шевцов писал своему старшему единомышленнику Сергею Сергееву-Ценскому: «В Москве по этому поводу в среде русских, точнее, нееврейских литераторов – ликование. Авось хоть один журнал будет вне их монополии». Но то ли власть выдвинула неприемлемые для Шолохова условия, то ли, наоборот, закапризничал сам Шолохов, но – снова повторяю это слово – не сложилось.

А жаль, так как не исключено, что течение журналь-

¹¹ Цит. по: *Огрызко В.* Все решала партия: Литературная Россия под контролем Старой площади. М.: Литературная Россия, 2016. С. 177.

ных батальи было бы сильно взбодрено, и позиция, которую позднее станут называть «коммуно-почвеннической» или «национал-большевистской», была бы проявлена гораздо раньше.

Возникновения журналов «с направлением», с отчетливым кругом идей и обозримым кругом авторов пришлось дожидаться до самого конца 1950-х.

Пока в силу не вошел и не обзавелся редакторскими амбициями Валентин Катаев – ведь в первые год-два своего существования «Юность» была журналом хоть и цветастым, но с точки зрения литературы малоинтересным, и лишь постоянное представительство на его страницах авторов «исповедальной прозы» и «эстрадной лирики» очертило необщее выражение журнального лица.

А главное, пришлось ждать, пока на рубеже 1950–1960-х годов в «Новый мир», отказавшись от редакторства в «Октябре», не вернется Александр Твардовский, а «Октябрь», Твардовским отвергнутый, не перейдет в руки Всеволода Кочетова.

Журнальный мир, что и предписано национальной традицией, стал многополярным, расколотым не на два лагеря («демократы-прогрессисты» и «верные автоматчики партии»), как обычно думают, но минимум на три, а с приходом Анатолия Никонова в отныне почвенническую «Молодую гвардию» уже и на четыре.

И вот благодаря их вражде, их истребительной полемике,

противостоянию их позиций, 1960-е годы стали золотым веком отечественной литературной журналистики.

Но это уже совсем другая история.

Альманашники: к истории «Литературной Москвы»

1

Первые сигналы о том, что оттепель в стране разрешена, были поданы, естественно, властью.

Сегодняшний номер «Правды», – 12 апреля 1953 года записывает в дневник историк Сергей Дмитриев, – имеет воскресный, праздничный характер. Небольшой, не сильно едкий фельетон. Значительный (1½ подвала) рассказ К. Паустовского «Клад». В рассказе природа занимает заметное место, а люди имеют свой язык и не говорят фразами из плохих передовиц. Обстоятельная театральная рецензия Н. Погодина «Веселый и содержательный спектакль» одобрительно отозвалась о спектакле «Стрекоза». Словом, газета всем своим обликом являет старую истину: воскресенье – праздник. И эта старая истина веселит и радостно входит в сознание: да, воскресенье – праздник. И это хорошо.
<...>

Вообще полезно вспомнить, что «великий народ» – это ведь тоже люди, как и все люди. Просто люди. И

хотят жить, как все люди живут¹².

Дальше больше: 1 мая «Литературная газета» разместила на первой (!) своей полосе подборку «Весеннее» с лирическими стихотворениями Николая Грибачева, Сергея Смирнова, Маро Маркарян, Льва Ошанина, Вероники Тушновой, Евгения Евтушенко. И, — вспоминает Лев Копелев, —

когда начали публиковать в журналах, в газетах стихи о любви, о природе, о смерти, стихи, свободные от идеологии, от морализирования, это уже само по себе воспринималось нами как приметы духовного обновления¹³.

Население, и творческая интеллигенция в том числе, отреагировало на эти сигналы, прежде всего, слухами.

А вот, уже 7 мая, заносит в дневник ленинградка Любовь Шапорина:

В массе весенние настроения, ждут смягчения режима, улучшения жизни, перестали чувствовать этот тяжелый гнет, висевший над страной.

Странное дело, но это так! Кажется, ничего не изменилось, а легче стало дышать. В Москве расшифровывают СССР: смерть Сталина спасет Россию¹⁴.

¹² Отечественная история. 1999. № 5. С. 147–148.

¹³ Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве. 1956–1980. М.: Книга, 1990. С. 35.

¹⁴ Шапорина Л. Дневник. М.: Новое литературное обозрение. Т. 2. С. 233.

Где слухи, там и разговоры, там и обсуждение не только руководящих поползновений, но и собственных, как сейчас бы сказали, проектов, в том числе коллективных.

И начальство, прежде всего курирующее творческие кадры, забеспокоилось.

По сообщению секретарей Правления СП СССР гг. Суркова и Полевого, – докладывают по инстанциям руководители Отдела науки и культуры ЦК, – часть литераторов, критиковавшихся в свое время за серьезные идейные ошибки в творчестве и примыкающих к ним, откровенно высказывает настроения реваншизма и веры в какой-то «идеологический НЭП»¹⁵.

Бояться «групповщины», как эти проекты назовут впоследствии, пока еще вроде бы рано. Однако разрозненные новомирские публикации статей В. Померанцева (1953. № 12), М. Лифшица (1954. № 2), Ф. Абрамова (1954. № 4), М. Щеглова (1954. № 5) уже выстраиваются в пугающую линию, и «внутри страны, в писательских организациях Москвы и Ленинграда, вокруг этих статей начинает группироваться отсталая часть писателей...»¹⁶.

¹⁵ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. М.: РОССПЭН, 2001. С. 200.

¹⁶ Там же. С. 207.

А одновременно и композиторы затевают трехдневную публичную дискуссию с требованием «открыть двери» для 8-й, 9-й и 10-й симфоний Д. Шостаковича, других произведений, ранее «подвергнутых широкой критике за их формалистический язык, чуждый народу круг образов»¹⁷. И художники своевольничают – в ЦДРИ еще 23 января 1954 года открывается первая «выставка без жюри»,

где не было цензуры выставочной комиссии – каждый смог принести в зал и повесить свою работу на обозрение широкой публики без каких-либо проверок, оценок и препон, что было немыслимо еще некоторое время назад¹⁸.

И осмелевшие поэты вослед художникам голос подают, на своем собрании внося предложение устраивать вечера непринятых, то есть неопубликованных стихов¹⁹.

Самых зарвавшихся, конечно, вовремя пресекли. «Выставки без жюри» более в Москве не повторялись, ни одного «вечера непринятых стихов» так и не провели, либерала П. Пономаренко с министерского поста отправили поднимать целину в Казахстане, а набравший опыт журнального противостояния А. Твардовский из «Нового мира» был уволен. Однако хмельной воздух оттепели кружил голову, и

в 1955 году М. Алигер, В. Каверин, К. Паустовский,

¹⁷ Там же. С. 213.

¹⁸ Оттепель: Каталог выставки. М.: Гос. Третьяковская галерея, 2017. С. 474.

¹⁹ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 200.

Э. Казакевич, В. Тендряков, В. Рудный образовали редколлегию сборников «Литературная Москва»²⁰. Замысел возникал в домашних беседах, на дорожках Переделкина. И вся работа издателей проходила в разговорах дома, в квартирах, на дачах²¹. <...>

Не было никаких официальных объявлений, однако московские литераторы вскоре узнали, что готовится необыкновенное издание²².

3

Отнюдь не самиздатское, конечно, но – раз нэп, то нэп – кооперативное. 20 октября 1955 года Президиум Московской писательской организации принял решение об издании этого сборника, а 24 ноября утвердил его редколлегию во главе с коммунистом, дважды лауреатом Сталинских премий Эммануилом Казакевичем; заместителями главного редактора назначены Георгий Березко и директор Гослитиздата Анатолий Котов²³.

...разумеется, оно <это решение>, – рассказывает Вениамин Каверин, – не было бы принято, если

²⁰ На первых порах, разумеется, еще инициативную группу.

²¹ «У них не было помещения, собирались или у нас в Лаврушинском, или на даче в Переделкино», – подтверждает Лариса Казакевич, дочь писателя (<https://dem-2011.livejournal.com/359553.html>).

²² Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве. С. 41–42.

²³ РГАЛИ. Ф. 1579. Оп. 2. Д. 1.

бы в предварительных переговорах А. Бека²⁴ и В. Рудного с Отделом культуры ЦК не удалось (с большим трудом) убедить Д. Поликарпова в том, что будущая «Литературная Москва» ничем не будет угрожать существованию советского искусства. Там же происходило и обсуждение кандидатур членов редколлегии²⁵.

Но как бы то ни было, инициаторы могли уже не прятаться. И издательство им было определено, причем не «Советский писатель», а еще более солидный Гослитиздат. И бумага на огромный том выделена. И, хотя члены редколлегии работали на общественных началах, была даже выбита штатная единица секретаря. На эту роль по рекомендации Каверина пригласили Зою Никитину и не ошиблись.

Войдя в литературную среду еще в начале 1920-х как одна из «серапионовых девушек» и накопив в последующие десятилетия немалый редакторский и организационный опыт, Зоя Александровна не только любила писателей, но и знала, как с ними обращаться: вела делопроизводство, сговаривалась с авторами и типографией, выдерживала рабочий график и сама много редактировала; булгаковскую «Жизнь Мольера» в частности.

Хотя не все, конечно, у кооператоров выходило гладко.

²⁴ «Инициатор сборника – Бек», – сказано в дневнике К. Чуковского (*Чуковский К. И. Дневник. 1936–1969. С. 212*).

²⁵ *Каверин В. Эпилог. М.: Аграф, 1997. С. 351.*

Предложенные Б. Пастернаком стихи, например, они то ли сами не рискнули взять, то ли не сумели провести сквозь редакторское сито Гослитиздата. Но самой большой проблемой неожиданно стала так называемая «крупная проза».

Схватились за роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым». Эта рукопись, «с жестами брезгливого возмущения» отвергнутая панферовским «Октябрем»²⁶, была вроде бы принята симоновским «Новым миром», но шла к печати так долго и с такими мытарствами, что потерявший терпение автор втайне передал ее Казакевичу. И этот поступок, став явным, решил дело: Симонов, – по словам Дудинцева, —

закричал: «Немедленно засылайте в набор! Сейчас же чтобы был заслан в набор!» И роман был заслан в набор в «Новом мире». Тут же он сел и написал письменный протест в секретариат Союза писателей с жалобой на Казакевича, который переманивает авторов «Нового мира». <...> Одним словом, роман там пошел²⁷.

Вышел он там, правда, не сразу – только в восьмом-десятом номерах за 1956 год, то есть спустя уже несколько месяцев после выпуска «Литературной Москвы». Но тогда, в конце 1955-го, кооператоры оказались вдруг на безрыбье. И

²⁶ «Все члены редколлегии, – рассказывает Д., – встали, а я там тоже сидел – я тоже встал, и все, стоя, проголосовали против печатания моего романа...» (Дудинцев В. Между двумя романами. СПб.: Ж-л «Нева». С. 54).

²⁷ Дудинцев В. Между двумя романами. С. 54–57, 59.

ситуацию спас сам Казакевич, вынудив из «Знамени» свой уже принятый В. Кожевниковым роман «Дом на площади» и поставив его на опустевшее место «крупной прозы».

Те, кто от кооператоров стояли поодаль, это решение главного редактора осудили. «Совсем дикие люди, – раздраженно заметила, например, Анна Ахматова. – Казакевич поместил 400 страниц собственного романа. Редактор не должен так делать. Это против добрых нравов литературы»²⁸.

Да плюс ко всему и самому Казакевичу его безупречно нормативный роман казался уже устаревшим, своего рода данью прошлому, впрочем, по сути обязательной. «Что же делать, нам все равно не обойтись без социалистического реализма», – сказал он Каверину²⁹. А Тендрякову уже весной 1956 года заметил: «Пока я его <роман> писал, время перепрыгнуло через меня. <...> Во всяком случае я „Домов на площади“ строить больше не буду!»³⁰

4

Чтобы поспеть с подарком к открытию XX съезда КПСС, надо было торопиться. 31 января 1956 года весь массив «Ли-

²⁸ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. М.: Согласие, 1997. Т. 2. С. 186.

²⁹ Каверин В. Эпилог. С. 353.

³⁰ Розенблом О., Тендрякова М. «Наше время богато примерами солдатского мужества и почти совсем не знало гражданского...». Владимир Тендряков об Эммануиле Казакевиче // Знамя. 2019. № 7. С. 153.

тературной Москвы» сдали в набор, и, – вспоминает В. Тендряков, – «члены редколлегии установили дежурство в типографии на Вальной, считывали чистые листы»³¹, а 17 февраля, когда съезд уже шел, но за неделю до секретного хрущевского доклада о культе личности, сборник был подписан к печати.

52 печатных листа, 832 страницы убористого текста. Сто- тысячный тираж. Все, что полагается, на месте – и писатель-ское начальство в лице К. Федина, А. Суркова, К. Симо- нова, С. Михалкова, и проверенные классики Н. Асеев, С. Маршак, В. Гроссман, М. Пришвин, К. Чуковский, и пока еще сомнительные А. Ахматова, Н. Заболоцкий, Б. Пастер- нак, и недавние фронтовики М. Луконин, В. Розов, В. Тенд- ряков, Б. Слуцкий, и задиристая молодежь, представленная Е. Евтушенко, Р. Рождественским, Л. Щипахиной. На каж- дую парчу, словом, свой ситец, так что, – рассказывает Ка- верин, – «Эренбург, привычно оценив альманах с политиче- ской точки зрения, сказал мне, что он мало отличается от хорошего номера „Нового мира“»³².

Вот и казенные критики встретили его как нечто вполне приемлемое. Если к чему-то и придрались, то к вполне невинному стихотворению Роберта Рождественского «Утро», с негодованием отметив, что

³¹ Там же.

³² Каверин В. Эпилог. С. 353.

стихотворение это аллегорическое, но смысл этих аллегорий совершенно ясен. Если верить автору, то только сейчас наступает «рассвет», а вот до недавней поры в нашей жизни господствовала сплошная «ночь», воплощенная в облике страшного существа, подчинявшего людей своей безраздельной власти и заставлявшего их служить себе – одному себе, больше ничему и никому³³.

Тогда как у читателей, – сообщил В. Шаламов своему ма-
гаданскому другу А. Добровольскому, —

этот альманах (ценой в 18 р. 75 к.)³⁴ идет нарасхват, в Москве 200 руб. идет с рук и только, – продолжает Шаламов, – из-за тех 6–7 страниц Б. Л. <Пастернака>, потому что, несмотря на именитость и поэтов и прозаиков – читать там больше нечего³⁵.

Действительно нечего³⁶? И только ли «Заметки к переводам шекспировских трагедий» – причина столь ошеломляющего успеха?

Редчайший в истории литературы случай: альманах, под-

³³ *Соловьев Б.* Смелость подлинная и мнимая // Литературная газета. 1956. 14 мая.

³⁴ На самом деле 18 р. 50 к.

³⁵ *Шаламов В.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 6: Переписка. М.: Книжный клуб Книгобек, 2013. С. 141.

³⁶ Вот и Александр Солженицын – «в отдалении времени» – нашел, что «ничем замечательным сборник не обогатил нашу литературу» (*Солженицын А.* Двоеенье Юрия Нагибина // Новый мир. 2003. № 4).

готовленный еще до XX съезда, был весной 1956 года прочтен как первая художественная реакция на взрывной хрущевский доклад о культе личности и его последствиях.

«Как кстати вышла „Лит. Москва“. Роман Казакевича воспринимается как протест против сталинщины, против „угрюмого недоверия к людям“», – 4 марта записал в дневнике К. Чуковский³⁷. А еще неделей ранее, 28 февраля, признался:

Третьего дня Бек принес мне «Литературную Москву», где есть моя гнусная, ненавистная заметка о Блоке. Я, ничего не подозревая, принялся читать стихи Твардовского – и вдруг дошел до «Встречи с другом» – о ссыльном, который 17 лет провел на каторге ни за что ни про что, – и заревел³⁸.

Плакали не все, конечно. И совсем по-другому отозвался бывший лагерник Аркадий Добровольский в письме от 18 августа к другому бывшему лагернику Варламу Шаламову:

Конечно, кусок из поэмы Твардовского «Друг детства» – хорош. Но он и радует и возмущает одновременно. В начале поэмы ляпнуть этакий домостроевский реквием на смерть Великого Хлебореза и блядски вилять задом, оправдывая это «крутое самовластье», а через пару сотен строк строить из себя хризантему и задавать риторические вопросы:

³⁷ Чуковский К. И. Дневник. 1936–1969. С. 212.

³⁸ Там же. С. 211.

«Винить в беде его безгласной страну? При чем же тут страна?.. Винить в своей судьбе жестокой народ? Какой же тут народ!..» Талант «применительно к подлости» и больше ничего!³⁹

С лагерниками о лагерях не поспоришь. И все-таки будем справедливы: первое, пусть глухое и половинчатое, напоминание в открытой печати о репрессиях и безвинно репрессированных дорогого стоило. Как дорогого стоило и то, что самая опасная, казалось бы, из публикаций «Литературной Москвы» через цензуру прошла, поношений со стороны нормативной критики не вызвала и властью была как бы не замечена.

5

Значит...

Первый том, – 4 июня написал Эммануил Казакевич Константину Федину, – был пробой наших сил и разведкой в стане праздно болтающих и обагряющих руки. Второй, надеюсь, будет более решительным и определенным⁴⁰.

За его составление и взялись. Пробуя одновременно расширить отвоеванный вроде бы плацдарм.

³⁹ Шаламов В. Собр. соч. Т. 6. С. 144–145.

⁴⁰ Казакевич Э. Слушая время: Дневники. Записные книжки. Письма. М.: Советский писатель, 1990. С. 374.

Уже 12 мая бюро секции прозы ССП СССР выдвигает идею создания кооперативного писательского издательства. В инициативную группу, которую на первых порах возглавляла Маргарита Алигер, вошли Алексей Арбузов, Александр Бек, Сергей Бонди, Александр Дементьев, Эммануил Казакевич, Валентин Овечкин и другие, а председателями правления будущего Товарищества писателей избрали Александра Твардовского и Всеволода Иванова.

Два с половиной месяца, срок не такой уж долгий, ушли, надо полагать, на согласования, Товарищество обрело новое звучное название⁴¹, и 24 июля в «Литературной газете» появилось сообщение о том, что «Президиум СП поддержал предложения о создании издательства московских писателей „Современник“» (с. 3).

Это еще, конечно, не решение директивных органов, но кооператоры торопятся, уже через четыре дня на заседании инициативной группы принимая «Примерный список ближайших изданий издательства „Современник“». В список, в частности, включены «Доктор Живаго» Б. Пастернака⁴²,

⁴¹ Недатированные «Прозект <так!> о создании издательства московских писателей „Современник“», «Положение» о его работе и его «Устав», представленные тоже в проектах, находятся в фонде Зои Никитиной. И там же – черновик обращения в ЦК КПСС, заканчивающегося словами: «Мы просим Центральный Комитет утвердить издательство „Современник“» (РГАЛИ. Ф. 2533. Оп. 1. Д. 467).

⁴² Вс. Иванов, кого прочили в председатели правления, – по словам его жены Т. Ивановой, – «охотно соглашался и даже наметил список произведений, которые следует опубликовать: первым в списке стоял роман Пастернака „Доктор Живаго“» (*Пастернак Б. Собр. соч. Т. 11. С. 286*).

«Мы идем в Индию» Вс. Иванова,⁴³ «новый роман» В. Гроссмана⁴⁴, «роман о рабочем классе» В. Дудинцева, «новый роман о советской науке» В. Каверина, «роман о Сибири» Г. Маркова, «роман о Шамиле» П. Павленко⁴⁵, сборники статей М. Щеглова и Ю. Оксмана⁴⁶. В разделе «Забытые книги» – однотомники М. Зощенко, А. Платонова, А. Веселого, Н. Эрдмана⁴⁷, О. Мандельштама⁴⁸, М. Булгакова, «Чукоккала» К. Чуковского⁴⁹, «Виктор Вавич» Б. Житкова⁵⁰, «Хулио Хуренито. 13 трубок. Трест Д. Е.» И. Эренбурга⁵¹, «Два мира» В. Зазубрина, «Капитальный ремонт» Л. Соболева, «Пушкин» Г. Гуковского (РГАЛИ. Ф. 2533. Оп. 1. Д. 467).

Всяко, как видим, разно, баланс, – как сказал бы Твардовский, – птиц певчих и птиц ловчих почти соблюден. Начальство, обнаружив в перечне надежные имена П. Павленко, Г. Маркова, Л. Соболева, должно быть довольно, и, – 18 сентября Казакевич пишет Льву Гумилевскому, – «я надеюсь –

⁴³ Роман выйдет в 1960 году.

⁴⁴ Изъят у автора летом 1960 года.

⁴⁵ «Кавказская повесть» издана в 1958 году.

⁴⁶ «Литературно-критические статьи» Щеглова выйдут в 1958 году, избранные работы Оксмана будут изданы в Саратове в 1959 году.

⁴⁷ «Избранное» Эрдмана будет издано только в 1990 году.

⁴⁸ Том в Большой серии «Библиотеки поэта» появится в 1973 году.

⁴⁹ Издана с купюрами в 1979 году, без купюр – только в 2008 году.

⁵⁰ Полный вариант этого романа был издан только в 1999 году.

⁵¹ Ранние произведения Эренбурга были переизданы только в первом томе его собрания сочинений (1962).

и у меня есть на это веские основания – что такое издательство, управляемое самими писателями, будет создано и начнет функционировать»⁵².

Да и как не надеяться, если даже предельно осторожный К. Федин, возглавлявший тогда столичную писательскую организацию, 17 октября открыл первый номер информационного бюллетеня «Московский литератор» многообещающими словами:

Откладывать дело с организацией «Современника» в долгий ящик после единодушной поддержки его всеми писателями, и в том числе Президиумами СП СССР и Московского отделения СП, не имеет никакого резона уже в силу того, что это – единственно верный и кратчайший путь к радикальному улучшению деятельности другого нашего издательства – «Советский писатель» (с. 1).

Есть надежда даже на собственный журнал, тоже «Современник», где место главного редактора с самого начала уготовано Твардовскому, и именно ему на первом же заседании инициативной группы 7 июня было поручено «представить предложения по поводу организации журнала»⁵³.

Надо сказать, что трудоустройство опального поэта все эти месяцы всерьез волновало не только кооператоров, но и власти. Так, Наталия Бианки, при Твардовском заведовав-

⁵² Казакевич Э. Слушая время. С. 382.

⁵³ РГАЛИ. Ф. 2533. Оп. 1. Д. 467.

шая технической редакцией в «Новом мире», вспоминает, как вскоре после отставки в 1954 году Александр Трифонович предлагал ей перейти в возрождаемый журнал «Красная новь», где он будет главным редактором⁵⁴. А когда проект возрождения старейшего советского журнала⁵⁵ был после долгих размышлений окончательно похерен во властных коридорах, Твардовскому 18 сентября 1956 предложили место главного в «Октябре».

Он колебался: «Все время думаю, – записано в рабочей тетради, – зовет меня к этой работе, хотя, как вспомнишь все муки, неудовлетворенность и т. п. и как подумаешь, что чего нужно написать <...>»⁵⁶. И все же отказался – будто зная, что впереди его ждет второе пришествие в «Новый мир».

6

Но издательство, журнал – это все пока мечты и звуки, а работа над вторым выпуском «Литературной Москвы» не

⁵⁴ Бианки Н. К. Симонов, А. Твардовский в «Новом мире». М.: Виоланта, 1999. С. 34.

⁵⁵ Его, если уж не получится с «Современником», готовы были подхватить и кооператоры – вместе с «тонким» журналом современных рассказов, новелл и очерков «30 дней» (РГАЛИ. Ф. 2533. Оп. 1. Д. 467) или с возрождаемым журналом «Прожектор», «редакционные коллегии которых также должны быть избраны на демократических началах» (Московский литератор. 1956. № 1. 17 октября).

⁵⁶ Твардовский А. Дневник. 1950–1959. М.: ПРОЗАиК, 2013. С. 237.

останавливалась ни на день.

На открытие поставили некрологическую неподписную заметку об А. Фадееве, застрелившемся 14 мая, и главу из его незавершенного романа «Последний из удэгэ», а замкнули сборник словами прощания со скончавшимся 2 сентября М. Щегловым, который в этом же выпуске был представлен статьей «Реализм современной драмы».

Роман Каверина «Поиски и надежды», завершающий его трилогию «Открытая книга», равно как и вполне казенные стихи А. Суркова, Е. Долматовского, Н. Тихонова, С. Михалкова, других начальников, равно как и вообще значительная часть альманашных публикаций, прорыва не сулили.

Зато немногое, но какое!.. Огромная подборка стихов Марины Цветаевой, предваряемая очерком Ильи Эренбурга! «Из литературных дневников» Юрия Олеши как напоминание о погубленном огромном таланте! Едкая статья Лидии Чуковской «Рабочий разговор», острые размышления Александра Крона о том, как мешают театру идеологические надсмотрщики⁵⁷, памфлет Марка Щеглова, где и камня не было оставлено от фундамента соцреалистической драматургии!⁵⁸

⁵⁷ «Самая умная статья в „Лит. Москве“ – Александра Крона: о театре. Острая, полная неотразимых силлогизмов», – записал в дневник Корней Чуковский (*Чуковский К. И. Дневник. 1936–1969. С. 225*).

⁵⁸ Принимая эту статью к печати, Казакевич написал Щеглову: «При чтении я испытывал чувство восхищения, давно уже не испытанное мной над критическими статьями. Думаю, что в Вашем лице наша советская литература – может быть, впервые – приобретает выдающегося критика» (*Казакевич Э. Слушая вре-*

И зато...

Воистину, велик и значителен рассказ Яшина «Рычаги», – 15 июня 1957 года, то есть уже после «проработки», записывает в дневник Сергей Дмитриев. – Значителен и велик не как явление художественно-литературное, а как явление самостоятельного движения мысли. Автор, вероятно, и не подозревает, какую страшную и всем известную правду, всеми замалчиваемую правду, он выговорил, выразил. С авторами так бывает^{59, 60}.

Автор «Рычагов», до того известный лишь колхозной поэмой «Алена Фомина», если и не знал, что он написал, то догадывался.

Два года тому назад, – рассказывал он Каверину, – я послал этот рассказ в «Новый мир». Кривицкий вызвал меня и сказал: «Ты, – говорит, – возьми его и либо сожги, либо положи в письменный стол, запи на замок, а ключ спрячь куда-нибудь подальше». Я спрашиваю: «почему?» – а он отвечает: «Потому что тебе иначе 25

мя. С. 384).

⁵⁹ Отечественная история. 2000. № 3. С. 155.

⁶⁰ «Автор „Рычагов“ навсегда останется в русской литературе, те рычаги кое-что повернули», – сказано в письме, которое Александр Солженицын 11 июля 1968 года написал в коридоре перед больничной палатой, где в этот день умирал Яшин («Пусть наступающий не будет слишком злым»: К истории письма А. И. Солженицына к А. А. Яшину // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2014. <Вып. 3>. С. 246).

лет обеспечены»⁶¹.

Словом...

Спасибо за драгоценный подарок, – 17 января 1957 года благодарит Л. Пантелеев Лидию Чуковскую. – Читаю второй выпуск «Литературной Москвы» – как чистую воду пью. Читаю с каким-то трепетным (простите) ощущением, что являюсь свидетелем очень большого события. А ведь выход этих книг – действительно, событие. Обе они войдут в историю нашей литературы – или как предвестие нового подъема ее, или, в худшем (к сожалению, очень и очень возможном) случае, как короткий просвет, «светлый луч в темном царстве»⁶².

7

Как же он, этот светлый луч, пробился? Куда цензура смотрела?

И здесь стоит обратить внимание на то, что цензорское разрешение на сдачу рукописи в набор (01.10.1956) от подписания в печать (26.11.1956) отделяют чуть более полутора месяцев.

Невелик вроде бы интервал, но в него, совпав по времени,

⁶¹ Каверин В. Эпилог. С. 357.

⁶² Пантелеев Л., Чуковская Л. Переписка. 1920–1987. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 86.

поместились и народное восстание в Венгрии, и обсуждение дудинцевского романа в ЦДЛ, неожиданно превратившееся в триумф писательского вольнолюбия⁶³.

На экстренно собранной в ЦК встрече Хрущеву, еще недавно благодушно либеральничавшему, доложили:

Митинг в клубе писателей состоялся 22 октября. В этой связи напоминаю, что митинг в Будапеште <...> с которого начались события, состоялся именно 22 октября, в тот же час. И тут и там главную роль играли писатели. Трудно поверить, что не имел места сговор. Итак, налицо сговор антисоциалистических сил.

И, – продолжает свой рассказ Евгений Долматовский, вызванный на эту встречу как первый заместитель руководителя Московской писательской организации, – «Никита Сергеевич разбушевался»⁶⁴.

На первых порах младшие товарищи даже попытались его

⁶³ Как вспоминает Раиса Орлова, «билеты на обсуждение в клубе писателей распределял партком по строгим „номенклатурным“ спискам. <...> Мы остались после обеда и заблаговременно уехали на балконе. Зал заполнился задолго до назначенного часа, не одни мы ухитрились забраться досрочно. Долго не начинали. Снаружи шумела толпа, висели на окнах. Наконец, сквозь толчею пробрались Владимир Дудинцев, руководитель обсуждения Всеволод Иванов, редактор „Нового мира“ Константин Симонов. Они не могли войти в здание из-за толпы, их провели через подвал» (*Орлова Р., Копелев Л.* Мы жили в Москве. С. 38). В номере «Московского литератора» от 3 ноября, где опубликован сбалансированно сдержанный отчет об обсуждении, помещена и эпиграмма А. Раскина: Не удержать трем милиционерам Толпу, что рвется, клуб наш окружив... Да, видно, не единым «Кавалером» Читатель жив.

⁶⁴ Долматовский Е. Очевидец. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2014. С. 143.

остудить. «Я думаю, что самым неправильным и самым грубым для данного момента было бы административное запрещение, но осуждать, а не влиять и не дискутировать по этому вопросу, это значит загнать болезнь внутрь, это значит надевать на такого рода авторов венок страдальца и мученика со всеми вытекающими отсюда последствиями», – примирительно заявил секретарь ЦК по идеологии Д. Шепилов на пятидневном совещании по вопросам литературы⁶⁵.

Но куда там! Конечно, фрондерски в ту пору настроенная редколлегия «Литературной газеты» вопреки воле своего главного редактора В. Кочетова еще в октябре сумела не допустить появления на печатных страницах заушательской статьи В. Дорофеева о романе «Не хлебом единым»⁶⁶

⁶⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Ед. хр. 12.

⁶⁶ Эту статью, – вспоминает Л. Лазарев, работавший тогда в редакции, – «нам раздали ее уже набранной, предупредив, что завтра будет обсуждение на редколлегии, в котором мы должны принять участие. Напечатать статью Дорофеева своей властью, минуя редколлегию и отдел литературы, Кочетов не решился, а может быть, надеялся, что на редколлегии выбьет „добро“ на публикацию. Но не тут-то было, участники обсуждения не склонны были поддаваться нажиму, осознавали, что вопрос решается принципиальнейший (Лазарев Л. Шестой этаж, или Перебирая наши даты. М.: Книжный сад, 1999. С. 59–60).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.